

АРСЕНИЙ САГАЛЬЧИК: *Культура. — 1999. — 27 мая — 2 июня.*

Пушкин писал "Годунова"

О СВОЕМ ВРЕМЕНИ

В Санкт-Петербурге в Александринском театре состоялась премьера пушкинского

"Бориса Годунова".
Наш корреспондент беседует с постановщиком спектакля.

— Арсений Овсеевич, спрашивать вас, почему редко ставят "Бориса Годунова", неуместно: как раз ваш спектакль в новосибирском "Красном факеле" с Анатолием Солоницыным в главной роли был в свое время одним из этапных в постижении пушкинской драматургии...

— Тридцать один год той премьере исполнился...

— Что для вас этот промежуток времени? Как изменились ваши отношения с пушкинской драмой?

— Там все было другое. Там была прекрасная музыка Альфреда Шнитке в записи Большого симфонического оркестра радио и телевидения Москвы под управлением Кондрашина. Трех художников мы пригласили для постановки: сценографа Роберта Аюпова, живописца Николая Гризюка, скульптора, работающего с деревом, Владимира Сокола. Кроме Солоницына, замечательно играл Шуйского артист А. Ильин (он позже работал в Москве, в Театре имени Маяковского).

Прежде всего иное отношение было к тем проблемам. Была молодость, было озорство. И, поскольку было время страха, запретов, безумного контроля, мы старались найти аллюзии. Довольно дешевые, может быть, на сегодняшний взгляд.

— Вы тогда далеко не так снизосидительно, как теперь, относились к главному герою?

— Видите ли, ведь убийство Годуновым царевича не доказано. Пушкин воспользовался версией Карамзина, но если оценивать исторический персонаж по совершенным им поступкам, то царь Борис Годунов построил колокольню Ивана Великого. Ипатьевский монастырь — один из лучших памятников архитектуры той поры — тоже его заслуга. И есть легенда об убийстве Димитрия. То есть в нашем распоряжении множество красок, из которых составляется характер.

— Современная историческая наука доказала как раз обратное: Борис Годунов вряд ли отдавал приказ об убийстве Димитрия, ему это было категорически не нужно, не выгодно.

— По-видимому. И я стараюсь

этот момент не опускать. Хотя мне кажется, что комплекс Бориса состоит не в этой коллизии, а в том, что он сам подданным рожден и подданным умереть собрался.

— То есть его тяготит проблема легитимности его царской власти?

— Он надеется утвердить свой род, основать новую династию. Царская власть требует генетической подлинности, которой сам он лишен. Он хочет верить, что его сын "царствовать по праву будет". Отсюда и проблема Самозванца. Отрепьев становится, конечно, слепым орудием — после монашества он впервые попадает в неизвестную ему бурную жизнь. Поэтому любовь, которую он открывает в себе, дает ему очень сильный жизненный импульс. Но, несмотря на это, он мучается оттого, что вынужден проливать русскую кровь. Он дважды говорит Курбскому об этом. Но мощная польская армия непрерывно подталкивает его сзади. Это даже педалировать в пьесе особо не надо, настолько все у Пушкина очевидно.

— Так почему же, возвращаясь к сакраментальному вопросу, бытует в театральной отечественной традиции миф о несценичности пушкинского текста?

— У меня есть такая версия. Когда-то пьесу Пушкина "накрыл" своей очень талантливой рукой Модест Мусоргский. Мы все привыкли к тому, что есть музыка, есть либретто, и "Борис Годунов" уже противопоставлен драматическому театру. Хотя я думаю, что это как раз пьеса двадцать первого века, что она очень может рассчитывать на следующее поколение режиссерского театра. У меня такое ощущение, не знаю, насколько это применимо к теории драмы, что в "Годунове" Пушкин открыл принцип "золотого сечения", создал драматургический абсолют. Это пьеса совершенно новой структуры: и по анализу, и по построению. Я убежден, что Пушкин не историческую пьесу написал, он себя писал в каждом персонаже. Он очень точно разделит сцены с Годуновым и Самозванцем. Он убивает главного героя за четыре сцены до финала, а жизнь продолжается. То есть ему интересно, не кто победил из них двоих, а что произойдет дальше.

— Вы старались при постановке преодолеть довлеющую "оперность" Мусоргского?

— Это опасное ощущение "оперности" возникает всякий раз, когда на сцену выходит много народа. Мне важно каждому персонажу придумать реальную биографию. Это сложно, но хочется, чтобы по-

лучилось.

— То есть вы создаете полноценное народное действо?

— Да, полноценное массовое действо.

— Текст пьесы потребовал каких-то купюр?

— У меня, знаете, странный принцип: я не делаю купюр в тех пьесах, что ставлю. Никогда. Может быть, мне просто повезло: я в жизни не ставил плохой драматургии.

— Александринский театр вам ведь и лично дорог: вы здесь в 70–80-е годы немало работали.

— У меня, конечно, свои взаимоотношения с этим пространством. Мы пришли сюда снова с друзьями: художник Март Китаев, композитор Борис Тищенко — двадцать семь лет работаем вместе. Изумительная сцена, где можно воспарить. Я, так сказать, открывал для себя ее возможности. Знаете, я когда-то первым использовал здесь авансцену, это было не принято, существовало правило: до линии бархатного занавеса, а дальше — закрытое для сцены пространство. Я первым допустил актеров до оркестровой ямы. Теперь уже так многие поступают.

— Сейчас в спектакле "P.S." Григорий Козлов публику на самой сцене посадил...

— Да. А мы с Мартом Фроловичем Китаевым позволили себе иное: мы полностью "раздели" сцену. До кирпича. У нас нет ни кулис, ни пандуса. И перекрасили коробку в белый цвет.

Пушкин ведь писал "Годунова" в ссылке, и перед его глазами были белые стены Святогорского монастыря. Это для нас сейчас Михайловское — оазис красоты, а для него — место ссылки, морально ему там было очень тяжело. Почему я и говорю, что он больше писал о себе и своем времени, а не о шестнадцатом веке: он все время возвращается к проблеме чести — об этом и Курбский, и Басманов говорят. Это проблема пушкинских дней, а не Смутного времени.

— Годунова у вас играет новый в труппе артист, Юрий Цурило. Вы сами "увидели" его в главной роли, или вам его предложил театр?

— На главную роль актера предложил театр. Остальных я, естественно, выбирал сам. Распределение ролей — это распределение выразительных средств, этим может заниматься только режиссер. Так уж сложилось у меня в профессии, что мне никто никогда в этом деле не мешал. Ну повезло мне, и могу только гордиться этим.

Беседу вел
Леонид ПОПОВ